

Гермиона сидела в гостиной на втором этаже Гриммаулд Плейс и смотрела прямо перед собой на большой гобелен, висевший на каменной стене. Он пережил много поколений, защищенный сильной семейной магией, и все имена, вышитые магическим способом безупречной каллиграфией, по-прежнему выделялись черными стежками на зеленом фоне Слизерина.

В комнате рядом с ней раздались повышенные голоса.

Дверь была закрыта, но на неё не были наложены Заглушающие чары; она не могла понять, почему люди по ту сторону не догадались сделать это. Громкость и интенсивность их криков могла разбудить соседей-маглов, которые в данный момент даже не подозревали, что между одиннадцатым и тринадцатым номерами существует номер двенадцать - Гриммаулд-плейс, резиденция благородного и древнейшего дома Блэков.

"Мне должны были сказать!" Голос Сириуса был хриплым и эмоциональным; он кричал часами и плакал днями до начала этого конкретного спора, когда Гарри боком аппарировал ее туда сразу после побега из Малфой-мэнора.

Она очнулась в гостевой комнате, примыкающей к гостиной на Гриммаулд Плейс, и поначалу не понимала, где находится. Из затемнённой комнаты на неё смотрели знакомые изумрудно-зелёные глаза, под которыми виднелись тёмные круги, что свидетельствовало об острой нехватке сна. Гарри не спал нормально большую часть года, но, впрочем, никто из них и не спал. Постоянное пребывание в движении и охота за крестражами не позволяли делать полноценные полуденные перерывы; бессонница, вызванная стрессом, пагубно сказывалась на здоровье каждого.

"Как долго?" - прошептала она, проснувшись.

Крепко сжав ее руку, Гарри пробормотал: "Четыре дня. Боже, Гермиона, я думал, ты... ."

Она потянулась к нему, слабо потянулась и легонько взъерошила его волосы, пока он не улыбнулся, и слезы не потекли сами собой, что она и пыталась предотвратить. Она знала, что Гарри терпеть не может, когда люди видят его слишком эмоциональным, и чувствовала себя виноватой за то, что довела его до такого хрупкого состояния. Забота о Гарри стала для неё второй натурой. Шесть лет она заставляла их с Роном делать домашние задания, а большую часть седьмого следила за тем, чтобы они ели, даже если это были только лесные грибы и кусочки рыбы, которые им удавалось поймать, когда они разбивали лагерь у рек или озер.

"Все остальные выбрались?"

Гарри нахмурился. "Добби".

Она почувствовала тугую боль в груди, которая, как она знала, была горем. Удивительно, что она до сих пор не оцепенела от этого чувства. "О, Гарри. Мне так жаль".

"Рон сказал, что Билл и Флер похоронили его в саду коттеджа Шелл", - сказал он ей. "Я не был там, но Рон говорит, что там очень красиво. Билл вырезал надгробие, а Полумна расставила цветы. Олливандер, Грипхук и Дин тоже благополучно выбрались".

"А почему мы не там?" - с любопытством спросила она.

"Когда... все случилось в Малфой-мэноре, - произнес он с отвращением, - Добби отвез нас в коттедж Шелл, как я и просил, но он был ранен во время Исчезновения, и в итоге мы разлучились с ним и Роном, когда он... Я не знаю почему, но я держался за тебя и знал, что должен взять на себя ответственность, иначе мы расколемся. И я подумал о Гриммоулд Плейс".

Они не были в доме номер двенадцать с сентября. С тех пор как они случайно привели Якли, преследовавшего их через Аппарирование, к ступеням дома. Гермионе удалось отпихнуть Пожирателя смерти, и она, Гарри и Рон тут же аппарировали в другое место. Это, однако, привело к тому, что Рон был расколот, а охота за крестражами затянулась на несколько дней. Гарри отправил Сириусу Патронуса, сообщив, что Гриммаулд Плейс, возможно, подвергся опасности и ему следует убраться в безопасное место.

Подростки прождали три недели, когда в отверстие их палатки протиснулся знакомый образ большого серебристого Гримма. Голос Сириуса сообщил им, что он успел вовремя выбраться благодаря каким-то хитроумным чарам, которые он "не имеет права обсуждать" (что может означать только незаконные и весьма вероятные в серых тонах Светлой и Тёмной магии).

В ответ они отправили крестному отцу Гарри весточку, в которой говорилось только об их безопасности и ни о чем больше. Несмотря на желание Сириуса участвовать в их планах, Дамблдор оставил тайну крестражей Тома Риддла только Гарри, а сам поделился этой информацией только с Роном и Гермионой. Их работа заключалась в том, чтобы найти и уничтожить их. Оглядываясь назад, она жалела, что они не привлекли к этому Орден.

Вначале Гриммолд Плейс была неплохим убежищем, но они слишком легко подвергали его и Сириуса опасности, оставаясь там, когда им следовало быть на свободе и заниматься физическим поиском крестражей. Прошло уже восемь месяцев с официального начала охоты, а у них остался всего один медальон. Гермиона задавалась вопросом, сколько времени понадобилось Дамблдору, чтобы понять, как уничтожить кольцо Гаунта. Гарри потребовался целый учебный год, чтобы уничтожить дневник Тома Риддла - хотя все это время дневник не был у него в руках, и он не знал, что это такое на самом деле, - но эти цифры не предвещали ничего хорошего для оставшейся части их охоты за крестражами. Они не могли провести следующие три-четыре года в бегах, пытаясь уничтожить тёмные сосуды в надежде, что Волдеморт не разрушит их мир в процессе.

"Почему Гриммаулд Плейс?" - с любопытством спросила она. "Почему не Шелл Коттедж? Мы уже планировали туда поехать".

Гарри нахмурился и потянулся, чтобы намотать один из ее локонов на палец - эта привычка

появлялась у него всякий раз, когда он нервничал: "Я... Наверное, в тот момент я думал о Сириусе".

Она вздрогнула, когда в ее голове промелькнули воспоминания о Малфой-мэноре.

Она посмотрела на свое перевязанное предплечье. "Гарри, что случилось?"

Очевидно, он решил, что лучший способ затронуть эту тему - наглядное представление. Гарри потянулся к ящику прикроватной тумбочки и достал оттуда зеркало. Она выхватила его из его рук и поднесла к лицу. Она не знала, почему это не шокировало её. Реакция Беллатрисы на разрушенные чары могла бы послужить подсказкой, но когда Гермиона вгляделась в неожиданное обилие мягких черных локонов и серых глаз, она поняла, по крайней мере отчасти, что произошло.

Каким-то образом, когда безумная ведьма разрушила чары Гермионы, она сделала что-то ещё, открыв ту окраску, которую она теперь носит.

Хотя в Хогвартсе не было уроков биологии и генетики, она достаточно понимала принципы и магические теории, чтобы знать, что некоторые черты принадлежат исключительно определенным семьям: определенный оттенок рыжего и веснушки означали Уизли, золотистые светлые волосы и голубые глаза делали тебя Гринграссом, малиновые волосы и голубые глаза вели к родословной Боунсов, темная кожа и зеленые глаза принадлежали Забини, а белокурые волосы и серебряные глаза говорили миру, что ты - Малфой.

Черные волосы и серые глаза отличали ведьму или волшебника от всех остальных, гордо заявляя о том, что их кровь связана с благородным и древнейшим Домом Блэков.

Гарри помог ей встать: руки слегка дрожали, когда она положила зеркало на кровать и поднялась на ноги. Ее провели в гостиную, где она оказалась перед печально известным семейным гобеленом Блэков. Она не сразу увидела его, а когда увидела, у нее перехватило дыхание, и Гарри пришлось поддерживать ее вес, так как колени подкосились.

Так она и оказалась сейчас, сидя на полу и глядя на гобелен перед собой с дырой в сердце, свинцовой тяжестью в желудке и миллионом вопросов, проносящихся в голове.

Гарри обнял ее, опустив на пол, и сел рядом, целуя ее макушку и шепча: "Твоя рука не переставала кровоточить, и когда мы приехали сюда... . Сириус нес тебя по лестнице, и ты сильно истекала кровью на полу. Этот дом сам по себе волшебный и разумный. Зачарован, как Хогвартс, чтобы распознавать определенные вещи и... людей".

"Кровавые чары", - пробормотала она.

"Кикимер действительно исцелил твою руку".

Она повернулась и недоверчиво уставилась на него, ее недавно открытые серые глаза расширились.

"Он называет вас своей особенной юной мисс".

<http://erolate.com/book/4074/112358>